

Б. О. ДОЛГИХ

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ НАРОДОВ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ЯЗЫКОВ) В СЕВЕРНОЙ СИБИРИ *

Всякое этногенетическое исследование является в первую очередь исследованием историко-лингвистическим. Для того, чтобы решать вопросы происхождения народов, мы должны суметь в общем потоке явлений и событий исторического процесса, в том числе и в процессах развития языков, выделить те явления и факты, которые непосредственно отражают или непосредственно связаны с образованием народов, с развитием их этнических, в частности и языковых, особенностей, с их распространением.

Полное систематическое изложение явлений и фактов, касающихся образования народа, анализ и объяснение этих фактов с позиций диалектического и исторического материализма должны дать нам картину происхождения данного народа. Антропология, этнография, языкознание, археология и данные писаной истории способствуют уяснению различных сторон сложного исторического процесса образования народа; данные всех этих наук необходимы для разрешения конкретных этногенетических проблем. Какое-либо предпочтение одной из этих наук не должно иметь места и может быть лишь вынужденным вследствие отсутствия других источников.

Надо также иметь в виду, что все процессы, формирующие этнический облик народов, происходили и происходят не на пустом месте. В основе каждой этнической группы современности лежат этнические общности древности, а в основе современных языков лежат древние языки. Поэтому каждое этногенетическое исследование в числе своих конечных результатов имеет установление древних народностей и племен, которые вошли в состав современной народности или нации, установление древних языков, к которым восходят современные языки.

При этом происходило скрещивание языков, и языки-победители распространялись на иноязычные в прошлом группы с иной культурой и бытом. Это обстоятельство подчеркивается И. В. Сталиным в его положении о том, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

Поэтому изучение процессов распространения народов и языков является одной из важных задач, связанных с разрешением проблемы образования этнических общностей и языковых групп. Сама постановка вопроса о дроблении, расхождении, а также схождении и скрещивании

* Доклад, зачитанный на совещании по методологии этногенетических исследований 2 ноября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 29—30.

языков предполагает распространение языков и передвижение народов по территории, расширение или сужение пространства, занятого тем или иным языком и народом.

Распространение языков на иноязычные в прошлом группы надо считать одной из важнейших причин образования многих народов, одной из важнейших причин, обусловивших современную нам этнографическую карту мира.

В настоящей статье мы хотим на примере некоторых народов северной Сибири, стоявших на сравнительно ранних ступенях исторического развития, остановиться именно на этой стороне этногенетического процесса. Мы берем при этом только народы севера и не включаем в наше рассмотрение ни народы Амура, ни алтае-саянские народы, ни даже некоторые части северносибирских народов, обитавших в более южных районах, например, эвенков — коневодов и скотоводов Забайкалья.

Из всех народов северной Сибири наиболее высокую степень общественно-экономического развития занимали якуты. Русские в XVII в. нашли у якутов скотоводческое хозяйство и раннеклассовый общественный строй. Наряду с сохранением родоплеменных подразделений, у якутов существовала классовая дифференциация и четко выделялся класс богатых скотовладельцев — тойонов.

Большинство народов северной Сибири к приходу русских находилось на разных ступенях развития патриархально-родового строя. Таковыми народами являлись тунгусы — эвенки (с эвенками и предками долган); юкагиры; самоедские по языку народы — ненцы, энцы, нганасаны и селькупы; кеты и угорские по языку народы — ханты и манси. Наиболее раннюю стадию общественно-экономического развития из них представляли, видимо, юкагиры.

И по этнографическим описаниям Йохельсона конца XIX в., и по сообщениям источников XVII в., можно предполагать, что ко времени прихода в северо-восточную Сибирь русских, т. е. к середине XVII в. у юкагиров сохранялись еще весьма ранние формы отцовско-родового строя, сопровождавшиеся значительными пережитками матриархально-родовых порядков. Так, например, у юкагиров существовал матрилокальный брак. Оленеводство, которое к приходу русских было уже известно большинству юкагиров, повидимому, было заимствовано ими от тунгусов сравнительно недавно. При этом оленеводство юкагиров имело лишь подсобное, транспортное значение, а в основном их хозяйство оставалось охотничье-рыболовческим. Юкагиры получали у эвенков железо, но в небольшом количестве. У юкагиров Индигирки, например, в XVII в. топоры были еще каменные, а доспехи — костяные. Близки были к юкагирам по своей культуре и некоторые племена северных тунгусов, например, на побережье Охотского моря.

Типичную картину отцовско-родового строя представляли в первой половине XVII в. предки небольших самоедских народов — энцев и нганасан, а также селькупов, и предки современных кетов. При этом у двух первых из этих четырех народов патриархально-родовой строй имел своей хозяйственной базой сочетание оленеводства с охотой и рыболовством, а у двух последних, у которых оленеводства не было, все хозяйственная деятельность заключалась лишь в охоте и рыболовстве. Собирания ягод и съедобных корней мы не считаем, так как оно имело совершенно подчиненное значение. Но надо отметить, что эти народы знакомы были с горячей обработкой железа, а родственные кетам по языку племена южной Сибири умели добывать железо из руды.

Ненцы, некоторые эвенкийские племена, а также ханты и манси находились на сравнительно высоких ступенях развития патриархально-родового строя и, кроме того, испытали на себе сильное влияние с стороны патриархально-феодалных обществ южной Сибири, а эвенки и якуты. Все это не мешало им, впрочем, сохранить в своей социально

организации ряд очень архаичных пережитков, например, у хантов и манси — фратриальное деление.

Наиболее отсталыми в прошлом народами северной Сибири можно считать ительменов, чукчей, коряков и азиатских эскимосов. Хозяйство этих народов было основано на охоте (считая охотой и морской зверобойный промысел) и рыболовстве. В изготовлении орудий производства еще полностью господствовала неолитическая техника. Только отдельные железные предметы проникали до прихода русских к этим народам. Часть чукчей и коряков, правда, уже к приходу русских занималась оленеводством. Но это занятие у них, как и у юкагиров, было, видимо, очень недавнего происхождения, и полное свое развитие оленеводство тех же чукчей получило лишь в XVIII в.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин в своей работе «Типы оленеводства и их происхождение»² убедительно показывают связь чукотско-корякского оленеводства с тунгусским (эвенкийским), при возможном посредничестве юкагиров — чуванцев, самое имя которых стало обозначать чукчей и коряков оленеводов. Попытка И. С. Вдовина обосновать теорию происхождения чукотского оленеводства на месте, на Чукотке, — неубедительна³.

Социальный строй северо-восточных палеазиатов и эскимосов отличался некоторыми чертами материнско-родового строя (пережитки матрилокальных поселений и группового брака, женские духи и божества, когнатный характер культа огня и т. п.) и отсутствием ряда основных признаков отцовско-родового строя. В частности, у этих народов не было деления на роды (или фратрии) и не было родовой экзогамии. Можно считать, что материнский род у чукчей, коряков, ительменов и эскимосов распался и развитие пошло в направлении к патриархально-родовым отношениям, некоторые элементы которых — патриархальная семья, многоженство, патриархальное рабство — уже были налицо у этих народов.

В целом чукчи, коряки, ительмены и эскимосы в большей или меньшей степени, но в общем уже значительно отошли от материнско-родового строя, но можно считать, что они по своему социально-экономическому и культурному развитию находились на ступени, предшествующей развитому патриархально-родовому строю.

Таким образом в северной Сибири в XVII в., ко времени прихода русских, существовали самые различные степени развития патриархально-родового строя, от чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, у которых он еще не сложился в своих характерных формах, до якутов, у которых этот строй уже сменился раннеклассовыми отношениями.

С того времени, когда народы северной Сибири впервые встретились с русскими, и до конца XIX — начала XX в. этнографическая карта северной Сибири значительно изменилась.

Главнейшим из этих изменений является огромное расширение пространства, занятого населением, говорящим на якутском языке. Ко времени прихода к ним русских (1631 г.) якуты занимали сравнительно небольшую территорию, а именно так называемый Амгинско-Ленский район около современного города Якутска. Северной границей сплошного расселения здесь якутов была р. Алдан от ее устья до устья р. Амги. Восточной границей являлась р. Амга от устья и до места современной Амгинской слободы. На юге границей сплошного расселения якутов можно принять линию от Амгинской слободы до устья р. Синей на Лене. На западе этой границей приходится считать также условную линию, проходившую от устья р. Синей на север вдоль среднего течения р. Ситы и выходившую опять на Лену недалеко от устья Алдана. За

² «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 82—84.

³ См. И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукчей, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 115, Факультет народов севера, вып. 1, 1950, стр. 79.

пределами этой территории было только два островка якутского населения: один — в верховьях Яны, другой — в низовьях Вилюя.

В 1926 г. на якутском языке говорила уже большая часть коренного населения на огромном пространстве от низовьев Енисея до Колымы и от Северного Ледовитого океана до низовьев Олекмы и среднего течения Алдана включительно. На Вилюе в пределах Якутии все население перешло на якутский язык.

Распространение якутского языка происходило двумя путями. Во-первых, из очерченного выше района центральной Якутии происходило выселение. Переселенцами были заняты низовье Лены, Вилюй, Индигирка, среднее течение Колымы, район Олекминска, бассейн Оленека частью бассейн Хатанги. Во-вторых, на якутский язык перешло население, говорившее на других языках. Так, в бассейне Вилюя на якутский язык перешли эвенки родов Сологон, Мургат (Брангат), Фугляд (Югулэт), Кантакуль (Келтяки) и др.; на Лене — эвенки Долган, Эдигэн; на Оленеке — Эдян; на Анабаре — Синигир; на Хатанге — потомки промышленных людей XVII в., затундренские крестьяне, и т. д.

Везде здесь в результате скрещивания якутского языка с другим происходило не образование какого-либо нового языка, а побеждал якутский язык.

В процессе этого распространения якутов и перехода на якутский язык ряда эвенкийских групп, на севере Якутии сложилась новая этнографическая группа якутов, а именно, якутов-оленеководов, которой не было в составе якутского народа к приходу русских. По своему происхождению эти якуты-оленеководы являются потомками занявшихся оленеводством переселенцев из центральной Якутии, частью же обьякученных эвенков, юкагиров и даже русских.

От якутов-скотоводов центральной Якутии, Вилюя, Яны и т. д. эти якуты-оленеководы отличаются, помимо занятий, целым рядом бытовых черт и особенностями диалекта. Большинство этнографических особенностей якутов-оленеководов связано с эвенкийским (тунгусским) элементом, вошедшим в состав этих северных якутов. Таково переносное жилище якутов-оленеководов, представляющее собой полную аналогию эвенкийскому чуму; такова вся техника оленеводства и охотничьего промысла; такова вся терминология, относящаяся к оленеводству, и т. д. Вместе с этим быт северных якутов-оленеководов сохраняет и ряд черт, свойственных южным якутам. Таково зимнее жилище — балаган, аналогичное балагану якутов центральной Якутии, праздничная одежда старинного якутского типа и т. д.⁴ Что касается диалекта северных якутов-оленеководов, то при всех его словарных заимствованиях из эвенкийского языка, влиянии эвенкийской фонетики, при наличии заимствований из старорусского языка и ряда архаизмов по сравнению с современным якутским языком, этот диалект все же остается якутским языком, а сами якуты-оленеководы не перестают себя считать якутами.

Сложнее обстоит дело с другим этническим новообразованием, появившимся в результате распространения на север якутского языка, а именно, с образованием народности долган, сложившейся в пределах современного Таймырского национального округа.

Долганы образовались из частей нескольких эвенкийских племен (в том числе и племени долган) и родов, перешедших на якутский язык в течение частью, быть может, XVIII, но главным образом XIX в. В их состав вошло и некоторое число упомянутых выше якутов-оленеководов, а также так называемые затундренские крестьяне, тоже ставшие кочевыми якутоязычными оленеводами, и небольшое число ассимилированных долганами самоедов энцев.

⁴ См. И. С. Гурвич, Оленекские и анабарские якуты (автореферат кандидатской диссертации), М., 1949.

Язык всего этого слившегося в одну народность конгломерата тоже якутский, с рядом отличий по сравнению с якутским языком центральной Якутии и очень сходный с диалектом якутов-оленевонов. Быт долган представляет смесь эвенкийских, русских и якутских черт. Их национальный костюм северозэвенкийского типа. Жилищем служат русские избы и балки, а также эвенкийские чумы. В технике оленеводства, охоты, рыболовства констатируются тунгусские (эвенкийские), самоедские, русские и якутские черты.

Фольклор долган содержит и якутские олонхо, и переведенные на якутский язык русские сказки, и эвенкийские предания. Говоря между собой, долганы называют себя не только долганами, но и *саха*, т. е. якутами, язык свой называют *саха-тыла*, т. е. якутским языком, но якутами себя не считают, противопоставляя себя как особый народ и упомянутым выше якутам-оленеводам, и, в особенности, якутам центральной Якутии.

Таким образом, в процессе распространения якутов и якутского языка по северу Сибири произошло образование не только новой этнографической группы якутского народа — якутов-оленевонов, но и новой народности — долган. История образования этой народности, формирование ее этнографического облика и образование долганского диалекта якутского языка представляют очень благодарный материал, который позволяет детально проследить процесс образования народности на ранних ступенях развития классового общества.

Большие изменения произошли также в период с середины XVII по начало XX в. в расселении и составе народов северной Сибири, находившихся на ступени патриархально-родового строя. Произошло распространение эвенкийского языка за счет юкагирского, ненецкого — за счет хантыйского и энецкого, нганасанского — за счет эвенкийского. Сменили свой язык целые племенные и родовые группы, в результате чего изменился и этнический состав населения северной Сибири.

Мы не имеем возможности сейчас подробно останавливаться на всех этих процессах. Рассмотрим лишь случай смены языка и этнической принадлежности одним северозэвенкийским племенем.

К приходу русских в бассейне Хатанги, главным образом в районе большого озера Есей, обитало эвенкийское племя ваяндыр. В течение второй половины XVII и в начале XVIII в. это племя очень пострадало в результате столкновений с другими эвенкийскими племенами и неудачных восстаний. Наиболее активная, воинственная часть этого племени ушла с оз. Есей на север и там стала кочевать близ оз. Таймыр (летом) и по р. Боганиде (зимой), к северо-востоку от племени авамских нганасан. Миддендорф, живший у потомков этих переселившихся на север эвенков, называвшихся в его время (в 1843 г.) уже вадеевскими самоедами, характеризует их как настоящих самоедов по языку и быту, какими их потомки являются и в настоящее время.

Мы можем уточнить время перехода предков вадеевских нганасан с эвенкийского языка на нганасанский. В сохранившемся их списке 1768 г.⁵ у лиц старшего поколения еще преобладают чисто эвенкийские имена, у лиц же младшего поколения имена уже по большей части нганасанские. В списках XVII в. у них все имена были эвенкийские, а в наше время, как мы уже указали, это настоящие нганасаны, самоеды. От их эвенкийского происхождения у них самих остались лишь смутные предания. Изредка встречались у них эвенкийские имена, данные в честь какого-либо предка. В 1926 г. один старый шаман этого племени пел по эвенкийски, когда шаманил, но уже не понимал смысла произносимых им слов.

⁵ Центральный государственный архив Древних Актов (ЦГАДА), фонд 214, кн. 1648.

Так появилось новое самоедское племя вадеевских нганасан и исчезло эвенкийское племя ваяндыр.

Причиной заимствования переселившимися на Таймыр эвенками нганасанского языка и культуры можно считать их тесный контакт, в частности браки, с авамскими нганасанами и почти полная изоляция их от остальных эвенков, сохранивших свой язык, от которых их отделяла широкая полоса лесотундры, занятой затундренскими крестьянами, якутами и обьякученными эвенками — долганями, а за ней — еще полоса пустынных гольцов.

Более сложный процесс имел место в бассейне р. Турухана. К приходу русских здесь жила часть самоедов энцев. В конце XVII и начале XVIII в. селькупы, вытеснив энцев с р. Таз, проникают и в бассейн Турухана. Одновременно в бассейн Турухана с Енисея проникают кеты, вытеснившие энцев с левобережья Енисея между устьями Елогуя и Турухана. Энцы в большей части уходят с Таза и Турухана на север, в низовья Енисея.

В XIX в. в бассейне Турухана констатируется новая племенная группа селькупов, так называемые баихинские селькупы, язык которых выделяется в качестве особого говора селькупского языка. Изучение родового состава баихинских селькупов обнаруживает, что часть их родов по происхождению селькупы, другие — кеты, третьи — энцы. Таким образом селькупский язык победил здесь языки кетов и оставшейся части энцев, в результате чего образовалась новая селькупская племенная группа. Дальнейшее продвижение селькупов и кетов на север привело к вытеснению ими энцев с низовьев р. Курейки. Это произошло примерно в середине XVIII в. Здесь также образовалось смешанное кетско-селькупско-энецкое население. Но если на Турухане победил селькупский язык, то на Курейке в конце-концов победил кетский. Еще в 40-х гг. XIX в. Кастрен выделял здесь особый «карасинский» говор селькупского языка. Но в начале XX в. здесь уже господствовал кетский язык.

Поглощение иноязычных элементов отразилось на языке-победителе. По свидетельству Г. Н. Прокофьева, артикуляционная база баихинского (туруханского) говора селькупского языка приближается к артикуляционной базе кетского языка⁶.

Среди этнических групп северной Сибири, у которых не сложилось обычных форм патриархально-родового строя, отмечается распространение с XVII—XVIII вв. на большой территории чукотского народа и чукотского языка. Даже первоначальное распространение этнографической группы оседлых приморских чукчей — охотников на морского зверя по побережьям Чукотского и Берингова морей сопровождалось поглощением чукчами эскимосского населения. Об этом процессе упоминал уже Богораз, а в последнее время об этом же писал подробно И. С. Вдовин. Он приводит 15 названий чукотских поселков несомненно эскимосского происхождения⁷. Этот же автор сообщает: «В материальной культуре и языке приморских чукок очень много элементов, заимствованных от эскимосов и связанных главным образом с приморским охотничьим бытом, например, ряд названий морских животных, орудий промысла и т. п. Эскимосское влияние сказывалось и на религиозных представлениях приморских чукок. Обрядовая сторона праздников, связанных с китом, моржом, почти полностью совпадает с такими же праздниками у эскимосов, что получило соответствующее отражение и в языке, например, религиозная пляска — пугуран (эскимосское пугуракук) и т. д.»⁸.

⁶ Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 9

⁷ И. С. Вдовин, Расселение народностей северо-восточной Азии во второй половине XVII и начале XVIII в., «Известия Всесоюзного географического общества», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 256.

⁸ Там же, стр. 262; см. того же автора: «К истории общественного строя чукок» (цит. выше), стр. 77.

Можно предполагать, что само образование приморских чукчей, как особой этнографической группы чукотского народа, происходило на эскимосской основе, в результате вытеснения эскимосского языка чукотским.

Это поглощение предками чукчей эскимосов и образование этнографической группы приморских береговых чукчей происходило, видимо, до прихода русских. Наоборот, другой процесс — распространение оленных чукчей — происходил уже в историческое время на глазах русских в XVIII—XIX вв.

К приходу русских на Анадырь (1648 г.) и в ближайшие последующие десятилетия, вплоть до начала XVIII в., граница сплошного расселения чукчей (т. е. не считая небольшой их группы к западу от Колымы в районе р. Бол. Чукочьей) проходила примерно от мыса Шелагского у Чаунской губы и далее на восток по водоразделу между бассейном Анадыря и бассейнами рек, впадающих в Чукотское море. Заканчивалась она у залива Креста на Беринговом море. Здесь, к югу от залива Креста находилась ярмарка, на которую сходились чукчи и юагиры. Богораз, а также И. С. Вдовин указывают более широкие пределы первоначального расселения чукчей, включая в их территорию все левобережье Анадыря и его устье. Но И. С. Вдовин сам указывает, что «левые притоки Анадыря, как Белая, Еропол и др., были заселены юагирами»⁹.

Как известно, к началу XX в. чукчи уже занимали всю территорию, которая вошла в пределы современного Чукотского национального округа, и кое-где даже выходили за ее пределы. Территория же Чукотского национального округа охватывает целиком весь бассейн Анадыря и подходит к Колыме. Таким образом территория, занятая оленными чукчами, увеличилась с начала XVIII в., т. е. за 200 лет, в несколько раз. В процессе своего распространения оленные чукчи вытеснили, частью истребили, частью поглотили юагирские племена чуванцев и ходынцев, кроме той части этих юагириров, которая слилась с русскими. Уже во второй половине XIX века значительное число чуванцев усвоило чукотский язык и кочевало среди чукчей и коряков, ничем не отличаясь от них.

Мы видим, что отличия процессов распространения языков сибирских народов, стоявших на разных ступенях исторического развития, заключаются не в сущности этих процессов, а в том, на какие этнические группы этот процесс распространялся и какие этнические группы он образовывал. Так, в связи с распространением якутского языка мы видим появление новой этнографической группы якутской народности — якутов-оленоводов и появление новой народности — долган. Распространение языков в условиях патриархально-родового строя происходило путем включения отдельных групп, носителей побежденного языка, в племя победителей в качестве отдельных родов или фратрий или путем ассимиляции целых племен, которые таким образом меняли свою языковую и этническую принадлежность, а вместе с тем обычно и свою материальную и духовную культуру.

Нам осталось лишь сказать несколько слов о некоторых частностях процесса поглощения одних народов другими на ранних ступенях развития человеческого общества. Большое значение, повидимому, имела различная численность и плотность населения, обусловленная различным характером и уровнем развития производительных сил. Например, на территории Амгинско-Ленского района, на которой могло просуществовать племя эвенков охотников-оленоводов численностью не более

⁹ И. С. Вдовин, Расселение народностей северо-восточной Азии..., стр. 251. И. С. Вдовин не совсем точно изображает и этнические взаимоотношения на Анадыре в XVII и начале XVIII в. Не русские и юагиры теснили там чукчей, а чукчи, захватывая у юагириров «плави» диких оленей через Анадырь, теснили и в конце концов вытеснили юагириров.

тысячи человек, якутов-скотоводов ко времени прихода русских в середине XVII в. жило не менее 25 тысяч. На среднем течении Вилюя к приходу русских обитало полторы-две тысячи эвенков-оленоводов, охотников и рыболовов. В середине XIX в. здесь жило уже 50 тысяч якутов, которые не только освоили имевшиеся здесь пятна лесостепи, но и создали для своего скота новые луговые пространства, спуская воду из многочисленных в этом районе озер. Если у скотоводов лесостепи — якутов в XVII в. один человек приходился на 3—4 км² территории, то у охотников-оленоводов тундры и лесотундры — нганасан и юкагиров один человек приходился на 300—400 км². Такова была разница в плотности населения у различных групп населения северной Сибири.

В условиях северной Сибири при совместном проживании на одной территории большая численность, конечно, являлась одной из предпосылок распространения языков одних народов за счет языков других народов. В частности, как мы уже указали, упомянутые выше вилюйские эвенки все перешли на язык своих более многочисленных соседей якутов.

Как правило, на севере Сибири язык более передового и многочисленного на данной территории народа вытеснял язык менее численного и отсталого народа. Но имели место и такие случаи, когда отсталый народ, заимствуя у более передового какие-либо новшества, поднимал их на более высокую ступень развития, увеличивал тем самым свои производительные силы, увеличивался в численности и начинал поглощать тот народ, от которого он эти новшества заимствовал. Так было в истории взаимоотношений чукчей и юкагиров. Предки чукчей, видимо стали оленеводами позже, чем юкагиры-чуванцы. Но, став оленеводами, может быть, заимствовав оленеводство от тех же чуванцев, как предполагают Г. М. Василевич и М. Г. Левин, чукчи так развили оленеводство и сами настолько увеличились в численности, что сперва оттеснили, а затем и поглотили чуванцев, язык которых в конце концов заменился чукотским.

Предки авамских нганасан — тавги были, по их преданиям, мало-оленными охотниками и, судя по топонимике, говорили на диалекте эвенкийского языка. От своих соседей — самоедских (энецких) родовых групп они заимствовали самоедские способы ведения тундрового оленеводческого хозяйства, ряд элементов самоедской материальной культуры (типы санок, жилища, одежды и т. д.) и, наконец, были ассимилированы и в языковом отношении. В течение XVII—XVIII вв. эти тавги, предки нганасан, очень развили свое оленеводство, увеличились в численности и частью оттеснили, а частью поглотили некоторые энецкие родовые группы. В результате образовалось племя авамских нганасан, в котором можно было различать собственно тавгийские по происхождению роды и слившихся с ними самоедов энцев.

Распространение отдельных языковых семей в Сибири, видимо, в некоторой степени также отражает пути продвижения языков, а с ними и некоторых элементов культуры носителей этих языков и таким образом указывает на пути распространения некоторых основных сдвигов в области производства. Так, распространение самоедских языков в XVII в. в Сибири указывает, видимо, путь распространения оленеводства с Саян в тундры северо-западной Сибири. Распространение в южной Сибири ко времени прихода русских в XVII в. кетских языков, а также кетской топонимике примерно соответствует району древнего железодобывающего промысла в юго-западной части средней Сибири. Распространение тунгусского (т. е. эвенкийского с эвенским) языка было, очевидно, связано с распространением железа и верхового оленеводства восточного типа на севере восточной Сибири и т. д. Такие и другие, подобные им факты должны быть учтены при разработке вопросов происхождения народов.

Ближайшими задачами этногенетических исследований в Сибири надо считать установление очагов первоначального формирования этнических общностей, путей, времени, а также причин их распространения. Опираясь на гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию, используя все виды исторических источников — письменных, этнографических, археологических, лингвистических, а также данные антропологии, советские исследователи, несомненно, выполнят эти задачи.
